

- ²⁵ Ананьич Б. В. Банкирские дома в России. 1860—1914 гг.: Очерки частного предпринимательства. Л., 1991.
- ²⁶ До питання про місце України в системі Російського фінансового капіталу//Економічні передумовки Великої Жовтєвої соціалістичної революції. Київ, 1967. Стр. 21, 31.
- ²⁷ Soviet Studies. Hist. 9(1970/71). P. 300—321.
- ²⁸ Экономическая история СССР и зарубежных стран/Под ред. И. Н. Шемякина, А. А. Успенского, В. Т. Цунтулова и В. Г. Сарычева. М., 1978. С. 277 и др.
- ²⁹ Боровой С. Я. А. Н. Радищев о кредите, банках и деньгах//Деньги и кредит. 1952. № 5; его же. Кредит и банки в России. Середина XVII в.— 1861 г. М., 1958. С. 140—155, 258—266.
- ³⁰ Б о р о в о и С. Я. Декабристы о деньгах, кредите и банках//Деньги и кредит. 1951. № 1.
- ³¹ Новые материалы о книге декабриста М. Ф. Орлова «О государственном кредите»//Записки ОР ГБЛ. М., 1955. Вып. 17. С. 192—247.
- ³² Там же. С. 152—191. См. также: Декабрист М. Ф. Орлов и его книга «О государственном кредите»//Известия АН СССР. Сер. истор. и филос. 1951. № 1.
- ³³ О р л о в М. Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963.
- ³⁴ Там же. С. 269—313.
- ³⁵ Письмо Л. П. Гроссмана С. Я. Боровому от 11 ноября 1963 г. (Архив С. Я. Борового).
- ³⁶ Б о р о в о и С. Я. Об экономических воззрениях Пушкина в начале 1830-х гг.//Пушкин и его время. Вып. 1. Л., 1962. С. 246—264.
- ³⁷ Е г о же. Одесса пушкинской поры//Пушкин на Юге. Труды Пушкинских конференций в Кишиневе и Одессе. Кишинев, 1958. С. 153—164; «Путешествие Онегина» и одесская тема в русской литературе первой трети XIX в.//Там же. Т. 1. Кишинев, 1961. С. 265—288. Литературное наследство. Т. 60. М., 1956. С. 411—474.
- ³⁹ См., напр.: Л а н д а С. С. Мицкевич накануне восстания декабристов (Из истории русско-польских общественных и литературных связей)//Литература славянских народов. Вып. 4. М., 1959.
- ⁴⁰ Б о р о в о и С. Я. Кредит и банки в России. С. 49; е г о же. О реально-исторической основе сюжета «Мертвых душ»//Вопросы литературы. 1966. № 4. С. 251—252; его же. Еще о реально-исторической основе сюжета «Мертвых душ»//Там же. 1968. № 9. С. 187—188.
- ⁴¹ Боровой С. Я. О прототипе одного из героев «Капитанской дочки» // Русская литература 1966. № 2. С. 194—195.
- ⁴² «Колокол» и общественно-политическая жизнь Одессы в годы первой революционной ситуации//Революционная ситуация в России. 1859—1861. М., 1974; С. С. Громека и А. И. Герцен//Революционная ситуация в России в середине XIX в. Деятели и историки. М., 1986.
- ⁴³ Тургенев в записках немецкого дипломата: Из дневника Х. Гогенлоэ. 1876 и 1879 гг.//Литературное наследство. Т. 76. М., 1967.
- ⁴⁴ Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962. Минск, 1964. ⁴⁵ Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964. Кишинев, 1966.

© 1994 г. С. Ю. М А Л Ы Ш Е В А *

ДВЕ КАЗНИ. СУДЬБА М. Л. КОГАН-БЕРНШТЕЙНА

Сегодня после долгого забвения к нам возвращаются имена видных политических деятелей, руководителей российских политических партий. В ряду этих незаурядных личностей на политическом небосклоне России эпохи революций — и имя Матвея Львовича Коган-Бернштейна, гибкого политика, первым в начале 1918 г. заговорившего о необходимости тактического изменения политики российских демократов по отношению к партии большевиков и советской власти.

Судьба отпустила ему 32 года, вместивших так много: учебу в Гейдельбергском университете и российские тюрьмы, докторскую диссертацию и партийную журналистику, работу в ЦК партии правых эсеров и солдатскую службу, избрание в Учредительное собрание, вскоре разогнанное, и ВЦИК Советов, из которого он был изгнан, скитание по станам гражданской войны, трогательную любовь, мечты о «царстве добра» и смертельный выстрел в деревушке под Сызранью.

* Малышева Светлана Юрьевна, кандидат исторических наук, преподаватель Казанского университета.

... В марте 1919 г. в социалистических и коммунистических газетах России появились сообщения, посвященные гибели Матвея Коган-Бернштейна, арестованного большевиками в конце сентября 1918 г. в прифронтовой деревне Черный Затон, у Сызрани, и расстрелянного по приговору военно-полевого суда. Смерть его — сына известных народовольцев — стала поводом для спора партийных газет. 21 марта орган Московского бюро ЦК партии социалистов-революционеров «Дело народа» опубликовал статью «Две казни» — памяти М. Л. Коган-Бернштейна и его отца, в которой отмечал символичность в схожести судеб этих революционеров двух поколений: «К петле царской военно-судной комиссии для отца присоединилась пуля военно-полевого суда „рабоче-крестьянского правительства“ для сына»¹. На следующий день «Известия ВЦИК» опубликовали возмущенный ответ «Кто виноват?» на статью в эсеровской газете: «... ничего общего между двумя этими казнями нет. Отец был казнен царскими генералами за преданность интересам трудящихся масс. Сын был расстрелян представителями трудящихся масс за свой союз с царскими генералами... Мы жалеем молодого Коган-Бернштейна. Он производил впечатление честного, но ограниченного человека. Вероятно, он в глубине души был предан народным интересам. Но зловещее влияние белогвардейских заправил правозесеровской партии... толкнуло его на путь измены заветам своего отца...»². На Матвея Коган-Бернштейна легло обвинение в предательстве дела отца.

Фамилия Коган-Бернштейн действительно была хорошо известна демократической революционной России двух поколений — «Народной воли» и периода русских революций. Еще в 1930 г. она трижды упоминалась на страницах Малой Советской Энциклопедии: отцу, матери и сыну были посвящены три статьи. В 1938 г. в Большой Советской Энциклопедии нашлось место только для отца. В последующих изданиях фамилия Коган-Бернштейн более не появлялась.

8 февраля 1881 г., в Петербургском университете, студенты-народовольцы сорвали выступление министра народного просвещения Сабурова. 19-летний Лев Коган-Бернштейн, входивший в рабочую группу «Народной воли» и в центральный студенческий кружок, организованный Исполнительным комитетом «Народной воли»³, потребовал восстановления университетского Устава 1864 г., а его друг Папий Подбельский дал пощечину министру. Позже современник назовет этот день «вступлением в трагедию 1 марта 1881 года»⁴: убийство Александра II 1 марта 1881 г. народовольцами стало началом разгрома этой организации. Кстати, по свидетельству одного из товарищей Льва Коган-Бернштейна, Желябов намеревался поручить Коган-Бернштейну роль одного из метальщиков бомб в деле 1 марта и тот согласился, но на последних этапах подготовки террористического акта Исполнительный комитет «Народной воли» по тактическим соображениям заменил его Рысаковым: Исполком опасался обвинений в национальной окраске готовящегося покушения⁵. Некоторое время после 8 февраля 1881 г. Коган-Бернштейн скрывался на конспиративной квартире Геси Гельфман, потом жил в Саратове, затем в Москве, где и был арестован в апреле 1881 г. за расклейку прокламаций. 12 мая 1882 г. он был административно выслан в Якутскую область на 5 лет. Это была его первая ссылка⁶. Из ссылки в 1885 г.⁷ Лев Коган-Бернштейн вернулся с женой — Саррой (Натальей) Осиповной (урожденной Барановой). Они поселились в Дерпте, где Лев Матвеевич намеревался сдать выпускные экзамены при университете. Здесь, в Дерпте, 3 августа 1886 г. и родился их сын Матвей. Но уже через два года Наталья Осиповна и Лев Матвеевич были арестованы по делу таганрогской подпольной народовольческой типографии и сосланы на восемь лет в Якутскую область.

22 марта 1889 г. в Якутске разыгрались кровавые события, получившие большой резонанс в России. Речь идет о так называемой «якутской бойне», или «Монастыревской истории»⁸. 22 марта 1889 г. политические ссыльные в Якутске организовали вооруженное сопротивление в ответ на распоряжение администрации о новом, ускоренном порядке высылки их в Колымск и Верхоянск.

Трагедия разыгралась в доме Монастырева на квартире Ноткина, где собрались ссыльные. В конфликте с солдатами и полицией из 34 «монастырцев» было убито 6 и ранено 8 человек. Л. М. Коган-Бернштейн в результате тяжелого ранения не мог ходить. На материалах по «Якутскому делу» Александр III наложил резолюцию: «Наказать примерно». Трое участников якутского протеста — Н. Л. Зотов, А. С. Гаусман и Л. М. Коган-Бернштейн — были приговорены военно-судной комиссией к смертной казни. Коган-Бернштейн, парализованный, был вынесен к месту казни на кровати и повешен. За день до казни, 6 августа 1889 г., в одном из трех написанных им писем — в письме-завещании трехлетнему сыну Матвею — он написал: «... Да благословит тебя Бог, да не покинет тебя всю жизнь твоя вера живая в царство правды, свободы, добра»⁹.

Для жены Льва Когана-Бернштейна эта ссылка тоже была второй. 17-летней девушкой она ушла из дома. Учась на фельдшерских и акушерских курсах в Симферополе и Киеве, Наталья Осиповна работала в народовольческих организациях. В 1882 г. за революционную деятельность она была сослана в Томск. За участие же в якутском протесте 1889 г. она была приговорена к 15 годам каторги. До середины 1890 г. она отбывала каторгу в Вилюйской каторжной тюрьме, а затем по высочайшему повелению была переведена на поселение в Верхоянск, а с мая 1893 г. — в Красноярск¹⁰. В Красноярске в 1898 г. Наталья Осиповна встретила с приехавшим из Шушенского Лениным (об этом факте нет упоминаний ни в литературе, ни в Биохронике Ленина). И тогда, и позже — в эмиграции, встречаясь с Лениным на Капри, в Женеве, в других уголках Европы, ее всегда удивляла какая-то особая бережность Ленина по отношению к ней. Наталья Осиповна считала, что судьба ее мужа напоминала Ленину судьбу его старшего брата-народовольца¹¹. Все годы жизни в Сибири с ней был сын. Вернувшись в Россию после долгих лет ссылки и эмиграции, Наталья Коган-Бернштейн поселилась в Воронеже. И она, и ее сын, приехавший в Воронеж в 1915 г.¹², состояли членами партии социалистов-революционеров.

Матвей Коган-Бернштейн по «доброй» традиции российских интеллигентов отдал дань отечественным тюрьмам. В 1917 г. Матвей Львович возглавлял воронежскую организацию партии эсеров, будучи председателем губкома партии, в состав которого входила и его мать. Он был достаточно видной фигурой в руководстве Воронежской губернии: председателем Воронежского Совета РСКрД; председателем воевал на губернском крестьянском съезде в июне 1917 г. В дни корниловского мятежа, получив телеграмму Керенского об измене и предательстве Корнилова, Президиум Совета 28 августа образовал «Революционный распорядительный комитет» («Комитет пяти») под председательством Коган-Бернштейна для руководства защитой законной власти в губернии. А 8 сентября на заседании Городской думы М. Л. Коган-Бернштейн был избран одним из двух делегатов от Воронежа на Демократическое совещание в Петрограде¹³.

Октябрьский переворот Коган-Бернштейн встретил с возмущением, видя в нем опасность для демократического развития страны. 27 октября (8 ноября) 1917 г. в Воронежском Доме народных организаций, открывая общее собрание Воронежского Совета, Матвей Львович сказал: «Товарищи и граждане! Впервые прибегаю к слову „граждане“ на заседании Совета, так как не могу назвать товарищами тех, кто арестовывает министров-социалистов, насилует женщин и открывает дорогу контрреволюции»¹⁴.

К 1917 г. в жизни Матвея Коган-Бернштейна произошло событие, которое повлияло не только на его личную судьбу, но и на посмертную память о нем. В 1915 г., приехав в родительский дом в Воронеже, он был очарован юной Фанни Аронгауз, своей названной сестрой: в начале мировой войны с группой детей-беженцев из Дерпта 15-летняя Фаина приехала в Воронеж, и Наталья Осиповна приняла девочку под свою опеку, стала ей приемной матерью. С октября 1916 г. на имя «мадемуазель Аронгауз» из разных мест страны слал письма влюбленный рядовой 5-й роты 190-го пехотного запасного полка Матвей Коган-Бернштейн.

Год спустя непреклонная красавица ответила взаимностью. 7(19) ноября 1917 г. перед отъездом из Воронежа в столицу счастливый Коган-Бернштейн записал в девичьем дневнике Фанни: «Фаня, ты моя утренняя молитва. Фаня, ты моя последняя надежда. Фаня, я сделал тебе только один подарок, но такой, которого назад не берут: мою жизнь»¹⁵.

1918 год был последним в жизни Матвея Коган-Бернштейна. Член ЦК партии правых эсеров, он был избран членом Учредительного собрания от Воронежской губернии и членом ВЦИК Советов, став, таким образом, депутатом двух парламентов, двух народных представительств. Из 715 делегатов, избранных в российский парламент — Учредительное собрание — к началу его заседания 5(18) января 1918 г. у комиссара Всевыборы М. С. Урицкого зарегистрировалось 463 человека¹⁶.

4(17) января Коган-Бернштейн получил временное удостоверение члена Учредительного собрания за № 211¹⁷. Его обуревали тяжелые предчувствия, накануне открытия Учредительного собрания он написал молодой жене письмо, в котором на всякий случай попрощался с ней.

Разгон большевиками 6(18) января 1918 г. Учредительного собрания, с которым связывали столько надежд на демократическое развитие страны, был сокрушительным ударом по юному российскому парламентаризму; он подтолкнул страну к гражданской войне, пропахав глубокую борозду между большевиками и демократической, социалистической Россией: последняя вскоре встала в оппозицию новой власти. Партия правых эсеров в мае 1918 г. решила перенести свою деятельность за Волгу, и начать там собирание общероссийского правительства, восстановление Учредительного Собрания. В июне 1918 г. с помощью чехословацких легионеров в Самаре пришел к власти Комитет членов Учредительного собрания — одно из первых антибольшевистских правительств на пестрой карте российской гражданской войны. К сентябрю 1918 г., когда «территория Учредительного собрания» охватывала несколько приволжских губерний, в Комуче состояло около сотни членов Учредительного собрания.

Но Матвея Львовича Коган-Бернштейна не было в их числе. Разгон Учредительного собрания знаменовал для него начало его собственного пути, который он выбрал и которым шел до дня своей смерти. 20 января (1 февраля) 1918 г. во втором номере журнала «Партийные известия» — издания ЦК партии правых эсеров, которое Коган-Бернштейн редактировал совместно с В. М. Зензиновым и Б. О. Фликкелем, он опубликовал статью «Наши расхождения (по поводу 4-го съезда партии с.-р.)». В ней Коган-Бернштейн заявил: «... в полном сознании того, что основная доля ответственности за гражданскую войну внутри демократии, за срыв демократической революции и выращивание контрреволюции под флагом революции социалистической в настоящий момент лежит на большевистской власти, мы, левые члены партии, не устанем повторять, что будущее возрождение партии как руководительницы масс и сохранение ее революционно-социалистического характера возможно лишь при твердом и бесповоротном отказе поднять бросаемую большевиками перчатку гражданской войны... тактическая задача левых внутри партии ограничить ее идейной борьбой против большевистского максимализма, заставить избежать нового обескровления трудящихся классов и на путях мирного изживания большевизма спасти, что еще можно, из завоеваний русской революции»¹⁸.

Его мало кто поддержал в те дни — лишь члены ЦК В. А. Чайкин и Н. И. Ракитников. Гражданская война в России начиналась как война внутри демократии, и, когда коммунисты и социалисты укрепились по разные стороны баррикад и приготовились к решающему бою, когда взаимные обвинения в контрреволюционности уже приобретали вкус крови, как странен и нелеп казался этот одинокий голос: «знамя гражданской войны — не наше знамя», предупреждавший, что война внутри демократии прокладывает дорогу диктаторам. Год спустя социалистическая демократия, раздавленная между двух диктатур —

большевистской и колчаковской, демократия, практически сошедшая с политической сцены (объявленная вне закона в Советской России и разогнанная в Сибири) — вспомнит своих пророков. Группа правых эсеров в России встанет на путь сотрудничества с большевиками, признав главной опасностью на тот момент диктатуру белую. Группа эта, называвшаяся сначала «Уфимской делегацией», затем группой «Народ», оформилась в октябре 1919 г. в «Меньшинство партии социалистов-революционеров» (МПСР)¹⁹. Еще 5 декабря 1918 г. в Уфе состоялось объединенное собрание представителей ЦК партии правых эсеров, съезда членов Учредительного собрания. Было решено прекратить вооруженную борьбу с большевиками и направить все силы на борьбу с «буржуазной реакцией»²⁰. После занятия Красной Армией Уфы оставшиеся в городе члены ЦК партии эсеров К. С. Буревой, Н. И. Ракитников, видные деятели партии Н. В. Святицкий, Н. А. Шмелев, В. К. Вольский, Б. Н. Черненко обратились в Уфимский ВРК с предложением о переговорах. Переговоры проходили 10—19 января 1919 г. в Уфе. 26 февраля 1919 г. постановлением ВЦИК была легализована часть партии правых эсеров, поддерживавшая позиции Уфимской делегации²¹. Позиция уфимской делегации послужила причиной конфликта с руководством партии правых эсеров. На IX Совете партии 16 июня 1919 г. Ракитников и Буревой сложили с себя полномочия членов ЦК. После Совета партии на собрании уфимской делегации и московской группы Смирнова и Либермана было принято «Обращение к партии», подписанное К. Буревым, В. Вольским, И. Дашевским, Л. Либерманом, Н. Ракитниковым, Н. Святицким, Н. Смирновым и Б. Чернековым. Обращение это, содержавшее принципиальную позицию группы (идейная борьба с большевиками, организация демократии, перевыборы Советов на основе свободы агитации всех социалистических партий и отказа от партийной диктатуры), — было напечатано в первом номере московской газеты «Народ», которая и дала название этой группе²². Группа отказалась выполнить решение ЦК ПСР о ее роспуске и 30 октября объявила о выходе из партии, образовании «Меньшинства партии социалистов-революционеров» и избрании его Центрального бюро (ЦБ)²³.

Группа, призывав к прекращению войны внутри демократии, все же сохраняла определенную независимость суждений в своих изданиях, являясь идейной оппозицией большевикам. Ее представители выступили на VII и VIII Всероссийских съездах Советов РККД в декабре 1919-го и декабре 1920 г. В выступлениях Вольского и Буревского говорилось о необходимости привлечения к советской власти всей демократии, пересмотра функций ЦК, пересмотра положений Конституции (ввод положений о всеобщем избирательном праве, праве слова для трудящихся, праве свободы печати, собраний, гарантий от несудебных расправ для трудящихся, предоставления свободы действий тем социальным и политическим партиям, которые не ведут борьбу против советской власти)²⁴. После окончания гражданской войны и по мере укрепления партии большевиков у руля страны независимость суждений группы все меньше устраивала власти. Группа подвергалась нападкам и справа, и слева. Отношение к ней характеризует ехидная реплика, брошенная из зала на VIII съезде Советов выходящему на трибуну Вольскому: «т. Вольский, как поживает Колчак?» Негативное отношение к группе усиливалось после Кронштадтского восстания и по мере подготовки к процессу над правыми эсерами. После Кронштадта был распушен отряд МПСР на фронте. Роковую и странную роль сыграло в окончательном распаде МПСР создание так называемого «Политического центра» и такая личность, как М. А. Гинзбург. Во время Кронштадтского восстания по его инициативе был создан «Политцентр» как якобы будущее правительство, в который вошли два члена ЦБ МПСР, в том числе Вольский. Политцентр никакой роли в событиях не сыграл, лишь растратил партийные деньги. Члены ЦБ, не замешанные в этой аванюре, предложили исключить Вольского из МПСР и продолжить партийное следствие по делу «Политцентра». Большинство МПСР отклонило их предложение. Тогда часть МПСР заявила о выходе из организации и издала 16 февраля 1922 г.

«Обращение о самороспуске». «Диктатура РКП,— писали участники „меньшинства МПСР”,— исключала всякую возможность осуществления задач МПСР. Репрессии и преследования МПСР на местах и в центре ... внутри организации развились авантюристические настроения...»²⁵ Подписали обращение Фанни Коган-Бернштейн, В. П. Семенов, О. Затейщиков, Л. Декатова, Н. Смирнов и К. Буревой. Через месяц, в марте 1922 г., ГПУ раскрыло «Политцентр», изъяв в ходе обысков и арестов в том числе материал партийного следствия. История создания «Политцентра» весьма подозрительна, особенно учитывая, что идея провокаторства витала среди членов МПСР задолго до Кронштадтского восстания. Гинзбург распространял в отряде МПСР на фронте слухи, что Затейщиков, Буревой и Смирнов — сотрудники ВЧК. Между тем непонятна роль в событиях самого Гинзбурга, бывшего инициатором организации «Политцентра»,— единственного из видных деятелей МПСР, избежавшего ареста²⁶ В результате всех этих событий к началу 1923 г. группа прекратила свое существование.

Но пророчества Коган-Бернштейна о гибельности войны внутри демократии вспомнятся только через год, когда их автора уже не будет в живых. В 1918 г. Матвеем Коган-Бернштейну еще предстояло девять месяцев, чтобы предсказать события и с горечью убедиться в своей правоте.

Коган-Бернштейн остался в Петрограде как член ВЦИКа: правые эсеры все еще состояли его членами. Уже было ясно, что вслед за разгоном Учредительного собрания и созданием антибольшевистского Комитета членов Учредительного собрания за Волгой последует вывод эсеров из ВЦИКа. Это не угнетало 32-летнего политика: ему нужна была свобода рук, чтобы разобраться в происходящем, определить свое место. 13 июня 1918 г. Коган-Бернштейн пишет жене в Воронеж: «Завтра опять очередной бенефис: на повестке вновь вопрос об исключении противосоветских партий (из ВЦИКа.— С. М.). Выступить, конечно, придется мне. Кроме того, поговаривают, что одновременно с исключением — или вскорости после него будет сделано распоряжение об аресте Ц. комитетов таковых партий...»²⁷ Днем позже он признается в очередном письме: «Наше исключение я встречу с чувством душевного облегчения. Ты знаешь, в каких я тенетах на фоне общей неразберихи, как жажду получить возможность осознать и осмыслить происходящее, вырвавшись из гущи событий, отойдя на время в сторону, став хоть на месяцы зрителем из участника трагедии...»²⁸ В тот же день такая возможность ему была предоставлена: 14 июня постановлением ВЦИКа правые эсеры и меньшевики были выведены из состава ВЦИКа и местных Советов. 16 июня в письме к жене и матери Матвей Львович описывал ход заседания: «... член чрезвычайной комиссии борьбы и т. д. Лацис (Фаня его помнит), пристально глядя в нашу сторону, позвал солдат и прогулялся ко всем выходам — очевидно, отдать распоряжение о невыпуске определенных лиц. С таким веселым ожиданием пришлось выступать (от фракции эсеров.— С. М.). Говорил я без особого подъема, но достаточно „контрреволюционно”. Перебивали не слишком бурно, просто потому, что знали, что это наша „лебединая песня”... Чувствую себя пару дней (со вчерашнего) в блаженном состоянии — избавился от сидения в ЦИК!»²⁹

Большевики решительно рвали с социалистической демократией — они не намерены были делить власть. Матвей Коган-Бернштейн шел не в ногу со своей партией, но он не был и с большевиками. Он искал свой путь — путь компромисса на благо революции. Штрих, характеризующий Коган-Бернштейна,— его отношение к товарищам, с которыми еще вчера шли вместе: в середине июня он писал жене: «Ты и представить себе не можешь, где я пишу: в Кремле, в галерее Александра II-го, на перилах... По дороге встретил лицом к лицу на тротуаре Ленина. Он скосил на меня глаза и сжал губы. Старенькое пальтецо и потертая шляпа. Совершенно один идет, без всякой охраны. Впереди и сзади на несколько десят. шагов — никого. Поверишь ли, у меня сжалось сердце. Представь себе, если бы это был не я, а кто-нибудь другой, ведь в Кремль и „обозревателей”

пускают. Мое глубокое убеждение, что он — величайший русский революционер и, может, единственный человек в России, с ясным умом и твердым характером идущий навстречу гибели всего»³⁰. А в конце июня он признается мимоходом: «... если Михаил Романов или ему подобный выступит, я скорее решительно пойду с большевиками, чем пассивно [буду] выжидать хода событий»³¹. Нет, не удавалась ему роль наблюдателя!

Поиск своего пути привел Коган-Бернштейна в комучевскую Самару. Посещение профсоюзов и Совета рабочих депутатов убедили его: и по ту сторону фронта гражданской войны не было спасения для революции. Позже, сделав для себя некоторые выводы, 2 сентября он опубликовал статью «Учредительное» в самарской газете социал-демократов-интернационалистов «Свободное слово». В этой статье в свойственной ему хлесткой манере Коган-Бернштейн писал: «... „Освобожденные“ от большевиков земли начинают созревать для диктатуры, заговора, корниловщины, скоропадщины, иноземного пленения... Гешефтмахеры коалиции и матадоры социал-предательства, расправив свои крылья, распоясались вовсю. Господа Аргуновы, Павловы, Авксентьевы и прочие и близкие и далекие отщепенцы социализма хоронят Учредительное собрание, расшаркиваются перед разного рода калифами на час, предают трудящиеся массы, отдаваясь в привычный плен к буржуазной коалиции под маской „общенациональной власти“; губят Россию, не заставляя союзников объявить народу во всеуслышанье, с чем и зачем идет англо-франко-японо-американское вмешательство»³². За эту статью Коган-Бернштейн был отстранен от участия в работе ЦК ПСР³³. Однако к подобным выводам он пришел еще раньше. Уже 21 августа Матвей Львович пророчествует из Самары: «Каштаны из огня, по-видимому, таскаются для черных (сторонников диктатуры. — С. М.) и в тот момент, когда будет праздноваться победа (если будет), придет некто в черном и даст увесистого пинка ногой»³⁴, — предсказав события, которые произойдут спустя два месяца с небольшим, когда социалисты «получат пинка» от Колчака. В этом последнем письме домой Матвей Коган-Бернштейн написал: «Я никогда и ни за что не допущу, чтобы мое имя, имя социалиста, могло быть примешано к чему-либо, что социализму противоречит... Где я буду, куда поеду, не знаю. Принципиально не буду брать никаких назначений, чтоб рук не марать, буду идти своей дорогой...»³⁵.

Его дорога лежала на восток — в начале сентября 1918 г. в Уфе открылось Государственное совещание — совещание представителей многочисленных антибольшевистских российских правительств, партий, организаций, на котором разгорелась борьба сторонников демократии и диктатуры. Правое крыло совещания представляли делегация Временного Сибирского правительства, кадеты, меньшевистская группа «Единство», делегаты от казачеств — они выступали за диктатуру. Левые — Комуч, эсеры, меньшевики, Съезд городов и земств — требовали создания демократического правительства, ответственного перед Учредительным собранием. 23 сентября было создано компромиссное «Временное Всероссийское правительство» (Уфимская директория) из пяти человек. Но времена демократии к осени 1918-го миновали, директория стала первым шагом на пути к диктатуре.

Коган-Бернштейн, приехавший на Государственное совещание формально от Комуча, придерживался избранной им роли независимого социалиста. На совещании он даже сел не с эсерами, а в стороне, левее мусульманских представителей, сидевших слева от социалистов-революционеров. Слова на совещании ему не дали. Он письменно сложил с себя полномочия члена Совещания и уехал, не желая санкционировать уступки со стороны фракции эсеров³⁶. Невеселые свои мысли он набросал в подготовленной уже 17 сентября статье — вероятно, последней — «Русский термидор (с Уфимского государственного совещания)». «Он уже наступил, русский термидор, он уже в полном расцвете... Мы, граждане страны „неограниченных возможностей“, позволяем себе роскошь одновременного сосуществования и русского робеспьеризма и русского термидора...»³⁷, — с горькой

иронией писал Коган-Бернштейн. Но виноватых Матвей Львович видел не только в российских робеспьерянцах-большевиках и российских термидорианцах-сторонниках военной диктатуры: он писал о вине демократов, социалистов-революционеров, которые «оказались вольно или невольно впряженными в победную колесницу директории и диктатуру»³⁸, и даже самые решительные демократы оказались бессильны перед реакцией, ибо «одной цепью совместного с нею участия в гражданской войне скованы они, и этого предела им не перейти, когда реакция предъявит свои векселя к оплате»³⁹.

Две недели спустя автор статьи был расстрелян при переходе фронта под Сызранью по приговору военно-полевого суда как правый эсер и член Учредительного собрания. Есть сведения, что на допросе, предшествующем расстрелу, он заявил, что принимает на себя ответственность за действия партии социалистов-революционеров, совершенные до настоящего момента⁴⁰. Он опять шел своим собственным путем — не на восток и не за границу, как большинство руководителей социалистов, осознавших, что настали времена столкновения двух диктатур — красной и белой, а демократия удаляется со сцены. Коган-Бернштейн шел на запад — в Советскую Россию. Напомним: «если Михаил Романов или ему подобный выступит, я скорее решительно пойду с большевиками, чем пассивно [буду] выжидать хода событий». Социалист, он верил: термидор страшнее нового Робеспьера. Трудно сказать, как бы могла повлиять эта личность на дальнейшие события в России, — история не признает сослагательного наклонения. Ясно, что мудрость единиц и идейная оппозиция уже не могли остановить катка большевизма, как не могли они остановить гражданской войны. Свидетельство тому — судьба группы «Народ». Большевики ясно дали понять, что не потерпят ни оппозиции, ни инакомыслия.

В конце гражданской войны имя Коган-Бернштейна пригодилось не только его сторонникам. В 1920 г. МПСР подготовило сборник памяти М. Л. Когана-Бернштейна. За разрешением на его печатание вдова Коган-Бернштейна, активная участница МПСР, обратилась в Совнарком. В архиве сохранилось письмо управляющего делами Совнаркома В. Бонч-Бруевича Л. Каменеву от 27 сентября 1920 г., в котором он, излагая эту просьбу, между прочим писал о Коган-Бернштейне: «Матвей Львович Коган-Бернштейн, разочаровавшись в деятельности своих бывших товарищей левых (ошибка: правых. — С. М.) эсеров, переходил к нам с желанием работать вместе с Рабоче-Крестьянским правительством, что и было вполне доказано после, и его расстрел является печальной ошибкой военно-полевого суда... Я докладывал по поводу этих рукописей сборника статей В. И. Ленину, и он просил меня переслать эти рукописи Вам для просмотра и, если Вы найдете нужным и возможным, то возбудить ходатайство перед Государственным издательством об их издании...»⁴¹.

Такая версия смерти Коган-Бернштейна устраивала большевистское руководство, и Каменев наложил на письма резолюцию: «Ходатайство о печатании поддержать». Сборник вышел в 1922 г., став одним из последних изданий МПСР. Еще заманчивее было бы объявить Коган-Бернштейна жертвой его бывших соратников. Вероятно, этим объясняется появление сомнительной версии смерти его в конце 1922 г.: К. Буревой упоминал в своей книге «Распад» о статье некоего эсера А. К., в которой тот уверял, что Матвей Львович был убит не большевиками, а офицерами Народной Армии. А. К. заявлял, что был попутчиком Коган-Бернштейна до Белебея, где их арестовали офицеры Народной Армии; ему удалось бежать, а Матвей Львович был расстрелян. Но уже тогда, в 1922 г., Буревому эта версия представлялась сомнительной, хотя он знал А. К. лично и хорошо о нем отзывался⁴².

Выстрел под Сызранью осенью 1918 г. изменил жизнь 19-летней вдовы Коган-Бернштейна, студентки естественного факультета Петроградского университета. Когда-то, целую вечность и всего лишь год назад, влюбленный мечтатель написал ей: «Фаня, я люблю вещи и идеи и прошлое человечества... Неужели у тебя не вспыхивает радостно взор при мысли-мечте о будущем человеке?»⁴³, — удивляясь ее равнодушию к истории и политике. В 1920 г. она поступила на факультет

общественных наук Московского университета и всю жизнь посвятила истории, защитив кандидатскую и докторскую диссертации по истории гуманизма и свободомыслия в Западной Европе⁴⁴. Как это похоже на Коган-Бернштейна: говорить о мире в эпоху гражданской войны — думать о гуманизме в эпоху тоталитарной ночи. В 1925 г. она вновь вышла замуж за ученого Павла Соломоновича Юшкевича. Фаина Абрамовна Коган-Бернштейн умерла в июне 1976 г. Она всю жизнь бережно хранила бумаги и документы первого мужа: не уничтожила их ни в страшные 30-е годы, когда лишилась работы, а причастность к оппозиционеру, хранение его работ и «контрреволюционных» изданий могли стоить жизни; не потеряла в годы Отечественной войны — во время эвакуации в Киров; сберегла в конце 40-х — начале 50-х гг., когда в разгар кампании «борьбы с космополитизмом» вынуждена была оставить профессорскую должность в МГУ и уехать из Москвы. Фаина Абрамовна сберегла документы и фотографии Матвея Коган-Бернштейна и его родителей, его статьи и письма. Сегодня они хранятся среди бумаг профессора Ф. А. Коган-Бернштейн, которые А. П. Юшкевич — сын ее мужа — принес в Архив АН СССР после смерти Фаины Абрамовны. Листая страницы этих документов, мы понимаем, что вдова Коган-Бернштейна сохранила для нас не только память о близком ей человеке, но и очень значимую страничку из истории нашего вечно воюющего отечества, на которой рукой ее мужа было начертано: война внутри демократии прокладывает дорогу диктаторам, знамя гражданской войны не наше знамя.

Примечания

¹ Л. М. Две казни. Памяти Л. М. и М. Л. Коган-Бернштейн (1889—1918) // Дело народа. М., 1919. 21 марта.

² Кто виноват? // Известия ВЦИК. 1919. 22 марта.

³ Волков Н. Народовольческая пропаганда среди московских рабочих в 1881 г. // Былое. 1906. Кн. 2. С. 178; Якутская трагедия. М., 1925. С. 67.

⁴ Тан-Богораз В. Г. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 234.

⁵ Якутская трагедия. С. 101.

⁶ К р о т о в М. А. Якутская ссылка 70—80-х гг. М., 1925. С. 191. ⁷ Он вернулся чуть раньше, так как в ссылке отбывал воинскую повинность. ⁸ См.: Якутская трагедия; Кротов М. А. Указ, соч.; Минор И. Якутская драма 22 марта 1989 г. // Былое. 1906. Т. 9. С. 129—157; Розеноер С. Ледяная тюрьма (Якутская ссылка). М., 1934. С. 34—41 и др.

Архив РАН, ф. 1697, оп. 1, д. 110, л. 7.

¹⁰ К р о т о в М. А. Указ. соч. С. 192.

¹¹ Архив РАН, ф. 1697, оп. 1, д. 53, л. 1.

¹² Бердников Г. В., Курсанова А. В., Поливанов А. С., Стрыгина А. И. Воронежские большевики в трех революциях (1905—1917). Воронеж, 1985. С. 77.

¹³ Л а в ы г и н М. Б. 1917 год в Воронежской губернии (Хроника). Воронеж, 1928. С. 60, 66, 83, 89, 97, 99, 109.

¹⁴ За власть Советов: Сб. воспоминаний участников революционных событий в Воронежской губернии в 1917—1918 гг. Воронеж, 1957. С. 50.

¹⁵ Архив РАН, ф. 1697, оп. 1, д. 67, л. 32.

¹⁶ Знаменский О. Н. Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения. М., 1976. С. 338.

¹⁷ Архив РАН, ф. 1697, оп. 1, д. 118, л. 1.

¹⁸ Там же, д. 114, л. 2 (с. 63—64).

¹⁹ О группе «Народ» см.: Чемерисский И. А. Эсеровская группа «Народ» и ее распад (1919—1923 гг.) // Банкротство мелкобуржуазных партий в России. 1917—1922 гг.: Сб. научн. трудов. Ч. II. М., 1977. С. 77—86; Ш е с т а к Ю. И. Большевики и эсеровская группа «Народ» (О взаимоотношениях РКП(б) с меньшинством партии социалистов-революционеров) // Вопросы истории КПСС. 1978. № 8. С. 95—105; Петров М. Н. В. И. Ленин об отношении РКП(б) к партиям мелкобуржуазной демократии // Учение Ленина — незыблемая основа революционно-преобразующей деятельности КПСС / Уч. зап. кафедры обществ. наук вузов Ленинграда. История КПСС. Вып. XIX. Л., 1980. С. 48—60; е г о ж е Возникновение и распад меньшинства партии эсеров // Вопросы истории. 1979. № 7. С. 49—60; е г о ж е. Политика большевиков по отношению к меньшинству партии эсеров в городских Советах 1919—1922 гг (борьба за средние городские слои в Октябрьской революции и гражданской войне) // Межвузов. сб научн. трудов. М., 1984. С. 104—171; Гусев К. В., Е р и ц я н Х. А. От соглашательства к контрреволюции (Очерки истории политического банкротства и гибели партии социалистов-революционеров). М., 1968. С. 297—303 и др.

- ²⁰ Буревой К. Распад. 1918—1922. М., 1923. С. 59.
- ²¹ П е т р о в М. Н. В. И. Ленин об отношении... С. 55.
- ²² Буревой К. Указ, соч., С. 73—83.
- ²³ П е т р о в М. Н. Возникновение и распад... С. 55.
- ²⁴ VII Всероссийский съезд Советов РКК и КД: Стеногр. отчет. М., 1920. С. 21, 68—71; VIII Всероссийский съезд Советов РКК и КД: Стеногр. отчет. М., 1921. С. 49—52.
- ²⁵ Цит. по: Буревой К. Указ. соч. С. 117—118.
- ²⁶ Там же. С. 119.
- ²⁷ Архив РАН, ф. 1697, оп. 1, д. 85, л. 43.
- ²⁸ Там же, л. 41.
- ²⁹ Там же, л. 44.
- ³⁰ Там же, л. 41.
- ³¹ Там же, л. 51.
- ³² Цит. по: П о п о в Ф. Г. 1918 год в Самарской губернии: Хроника событий. Куйбышев, 1972. С. 204—205.
- ³³ Буревой К. Указ. соч. С. 47.
- ³⁴ Архив РАН, ф. 1697, оп. 1, д. 124, л. 107.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ У т г о ф В. Л. Уфимское государственное совещание 1918 г. (Из воспоминаний участника) // Былое. 1921. № 6. С. 31.
- ³⁷ Архив РАН, ф. 1697, оп. 1, д. 115, л. 1.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же, л. 3.
- ⁴⁰ Буревой К. Указ. соч. С. 49.
- ⁴¹ Архив РАН, ф. 1697, оп. 1, д. 122, л. 1—2.
- ⁴² Буревой К. Указ. соч. С. 50—51.
- ⁴³ Архив РАН, ф. 1697, оп. 1, д. 67, л. 32.
- ⁴⁴ См.: Средние века. 1977. Вып. 41. С. 424; Советские архивы. 1976. № 6. С. 118.
- Библиографию работ Ф. А. Коган-Бернштейн см.: Средние века. 1981. Вып. 44. С. 394—396.